

Оригинальная статья/Original article

УДК 347.124

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.254-268>**Эстоппель как способ защиты от злоупотребления правом****Д.М. Касаткин***Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия**kasatkin.1997@gmail.com***Аннотация**

Настоящая статья посвящена исследованию эстоппеля – правового механизма, направленного на запрет противоречивого поведения, который широко применяется в российской и зарубежной судебной практике. Условия применения эстоппеля, такие как наличие обоснованного доверия, адаптация поведения сторон и явная несправедливость, возникающая в результате противоречивого поведения, формируют уникальный правовой механизм. Особое внимание уделено вопросам квалификации видов эстоппеля в российском праве с учетом их закрепления в Гражданском кодексе РФ и использования в судебной практике. Также обсуждаются спорные моменты, связанные с возможностью поглощения эстоппеля принципом добросовестности и его ролью в защите прав участников гражданских правоотношений. Сделан вывод о том, что эстоппель является важным инструментом защиты доверия в сделках, однако его применение требует тщательного анализа обстоятельств дела и соблюдения принципов справедливости и добросовестности. Предлагается понимать эстоппель как один из способов защиты от злоупотребления правом, что упростит его квалификацию и применение соответствующих правовых последствий.

Ключевые слова: злоупотребление правом, эстоппель, противоречивое поведение, недобросовестность, недействительность сделок, гражданско-правовые отношения

Для цитирования: Касаткин Д.М. Эстоппель как способ защиты от злоупотребления правом // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 5-6. С. 254–268. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.254-268>.

Estoppel as a means of protection against the abuse of rights**D.M. Kasatkin***St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia**kasatkin.1997@gmail.com***Abstract**

This article is devoted to estoppel, a legal mechanism preventing a party from acting inconsistently with their earlier conduct, which is widely used in Russian and foreign judicial practice. The conditions for applying estoppel, such as the establishment of reasonable trust, the adaptation of the parties' behavior,

and any manifest injustice arising as a result of the contradictory behavior, contribute to the development of a unique legal mechanism. Particular attention is paid to the classification of estoppel types in Russian law, considering their enshrinement in the Civil Code of the Russian Federation and their use in the judicial practice. Also discussed are the controversial issues related to the possibility of absorption of estoppel by the principle of good faith and its role in protecting the rights of participants in civil law relations. In conclusion, it is emphasized that estoppel is an important tool for building trust in transactions, but its application requires a thorough analysis of the circumstances of the case and compliance with the principles of fairness and good faith. It is argued that estoppel should be viewed as one of the ways for preventing the abuse of rights, which would simplify its classification and application of the corresponding legal consequences.

Keywords: abuse of rights, estoppel, inconsistent conduct, bad faith, invalidity of transactions, civil law relations

For citation: Kasatkin D.M. Estoppel as a means of protection against the abuse of rights. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 5-6, pp. 254–268. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.254-268>. (In Russian)

Введение

Основополагающими принципами гражданского права являются добросовестность участников отношений и разумность их действий. Добросовестность предполагается (презюмируется), пока не будет доказано обратное. В научной литературе указывается, что для защиты от недобросовестного поведения создано несколько правовых механизмов, а именно: злоупотребление правом, обход закона и эстоппель [1, с. 99]. Эстоппель является способом защиты от злоупотребления правом в случае противоречивого и непоследовательного поведения недобросовестной стороны.

Непоследовательное поведение понимается прежде всего как создание у иных участников правоотношений такого ошибочного представления, которое говорит о намерении совершить определенные действия или избежать их, вследствие чего могут быть искажены ожидания контрагентов, причинены убытки, нарушена стабильность гражданского оборота. Суды в подобных случаях применяют эстоппель для защиты добросовестной стороны.

Целью настоящего исследования является обозначение квалификационных признаков эстоппеля как способа защиты от злоупотребления правом для его наиболее эффективного правоприменения в качестве единственного способа защиты права в определенных ситуациях или, например, в совокупности с институтом недействительных сделок. Для реализации этой цели решены следующие задачи: изучена современная российская научная цивилистическая литература на предмет анализа перспектив развития эстоппеля и разночтений в его понимании, сделан обзор современной российской судебной практики.

1. Квалификация и применение эстоппеля как способа защиты от злоупотребления правом

1.1. Правовая природа и вопрос применения эстоппеля. В российских судах при нарушении принципа добросовестности и злоупотреблении правом применяется эстоппель – запрет противоречивого поведения. Правовой механизм эстоппеля распространен за рубежом, впервые он начал использоваться в Англии, где понимался как смешанный институт материального и процессуального права, запрещавший оспаривать обстоятельства, которые

ранее сторона правоотношения признавала бесспорными [2, с. 143]. В судах Англии и США в связи с особенностями прецедентов существует множество видов эстоппеля. Он применяется также в Германии, Нидерландах, Испании и других странах континентальной Европы. В правовых порядках этих стран запрет противоречивого поведения обычно исходит из общего принципа добросовестности. Однако исследователи при сравнении, например, специфики применения эстоппеля в российском праве и *promissory estoppel* английского права приходят к выводу, что они отличаются как по целям, так и по способам реализации [3, с. 57].

В России эстоппель применялся сначала в судебной практике, а потом нашел отражение в законодательстве в виде разрозненных норм. Проект концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) предполагал введение эстоппеля в гражданское законодательство (Конц.). Отдельной нормой он так и не стал, однако в ГК РФ есть ряд специальных норм права, касающихся эстоппеля (п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 и т. д.). В некоторых ситуациях применение эстоппеля к сделкам для их исцеления возможно лишь при наличии признаков незаключенности в случае несоблюдения формы и применительно к оспоримым сделкам [4, с. 82].

Помимо закрепления в гражданском законодательстве в научной литературе также обсуждается возможность применения эстоппеля, являющегося межотраслевым принципом, в судебном процессе как нормы доказательственного права, обуславливающую утрату возможности защиты через лишение судом права на возражение [5, с. 79]. В частности, указывается, что эстоппель может применяться при непоследовательном поведении сторон в процессуальных соглашениях и при наличии вступившего в законную силу решения, если в тексте закреплена изначально иная позиция одной из сторон [6, с. 138–139]. Таким образом, эстоппель в процессуальном праве применяется в правоотношениях, которые схожи с материальными, где каждый из субъектов правоотношений отстаивает свою позицию.

Некоторые авторы выступают против применения эстоппеля в российской практике, обращая внимание на то, что защита от противоречивого поведения иногда легализует фактически незаконные правоотношения. Например, если п. 5 ст. 166 ГК РФ предусмотрено, что в случае недобросовестности сторона не может заявлять о ничтожности сделки, подобное открывает перспективы для действительности сделок, которые в иных обстоятельствах признавались бы незаконными [7, с. 149]. Очевидно, что в такой ситуации для легализации ничтожности сделки не возникнет оснований, поскольку недобросовестная сторона лишится возможности именно пользоваться последствиями ничтожности, что вполне соответствует общепринятой санкции за злоупотребление в виде отказа в защите права. Примером невозможности подобного использования последствий ничтожности является невозможность для нового должника при истребовании долга кредитором ссылаться после перевода долга на недействительность его перевода или отсутствие встречного предоставления от первоначального должника (абз. 3 п. 28 ПП ВС РФ). В подобной ситуации в соответствии с последовательным поведением новый должник должен был заявить о наличии указанных возражений первоначальному должнику, а не кредитору. Таким образом, на основе приведенного примера очевидно, как эстоппель применяется при защите интересов кредитора.

В юридической литературе отмечается также возможность поглощения эстоппеля в той или иной его части принципом добросовестности [8, с. 174], что является предпосылкой для определения эстоппеля как одного из способов защиты от недобросовестного поведения (злоупотребления правом).

Само по себе непоследовательное поведение не считается неправомерным. Ст. 10 ГК РФ может быть применена лишь в случаях, когда такая непоследовательность подрывает

доверие контрагента и приводит к явной несправедливости. Так, основанием для применения эстоппеля могут являться только те конклюдентные действия, которые содержат прямое волеизъявление. Например, требование от страховщика к страхователю предоставить информацию о станции технического обслуживания автомобилей, с которой у последнего заключен договор, само по себе не может трактоваться как согласие страховой компании оплатить ремонт (Опр. ШКСОЮ).

Эстоппель обычно понимается как запрет на действия, которые противоречат ранее продемонстрированному поведению (заявлениям, обещаниям, гарантиям или фактическим поступкам), даже если это поведение не влечет за собой формальных обязательств или правовых последствий. Однако, если такие действия сформировали у контрагента обоснованные ожидания и доверие, нарушение которых будет несправедливым, может быть использован эстоппель.

Эстоппель получил свое развитие и на уровне официального толкования Верховного Суда Российской Федерации. Так, при применении рассматриваемого принципа Судебная коллегия по экономическим спорам считает его главной задачей недопущение получения в результате непоследовательных действий неправомерной выгоды лицом, из-за которого добросовестная сторона доверилась такой модели поведения (Опр. СКЭС). В данном случае важным видится отличие от позиции, высказанной в научной литературе, согласно которой обязательным условием применения эстоппеля является наличие ущерба как последствия невыполнения обещания [9, с. 130]. Позиция Верховного Суда представляется более правильной: при эстоппеле не обязательно нанесение действительного ущерба, он должен служить также и пресекающей мерой защиты, которая позволит в том числе и предотвращать ущерб. Иллюстрацией такого подхода служит практика по спорам в сфере энергоснабжения. Например, когда гарантирующий поставщик (или сетевая организация, такая как МРСК – межрегиональная распределительная сетевая компания) в течение длительного срока (полтора года) признавал показания приборов учета, проводил сверки и не оспаривал их исправность, а затем внезапно заявил о безучетном потреблении (обвиняя потребителя в нарушении пломб или фальсификации результатов госповерки), суды отказывают в таком иске. (Пост. ТААС). В подобном случае суд, применяя принцип эстоппеля, не предоставляет истцу возможность придать легитимность своему поведению через судебную защиту.

Типичным основанием для применения эстоппеля является ситуация, когда лицо, обладая определенным правом, своим поведением внушает контрагенту уверенность в том, что это право использоваться не будет, но затем пытается воспользоваться своей формальной правовой позицией. В таких случаях суд, ссылаясь на п. 2 ст. 10 ГК РФ, может отказать как в защите самого права, если она построена только на эстоппеле, так и только в учете противоречивой позиции, но принять иные правомерные доводы. Арбитражный суд Северо-Западного округа аналогичным образом понимает данный правовой механизм как утрату лицом права ссылаться на определенные обстоятельства в рамках правового спора, если они противоречат его предшествующему поведению (Пост. АС СЗФО). В результате недобросовестное лицо теряет возможность отказаться от своего предшествующего поведения, что сохраняет права другой стороны, исходившей в правоотношении из такого поведения.

Эстоппель также применим в случаях, ключевыми элементами которых являются непоследовательность действий, утрата доверия и разумных ожиданий контрагента, а также несправедливость итогового результата. Однако стоит отметить, что элементы такого рода не предполагают нереализацию лицом своего законного права даже в том случае, если это соз-

дает явное противоречие. Так, Арбитражный суд Дальневосточного федерального округа не принял доводы ИП Юрченко Е.В. об эстоппеле со стороны КГУП «Примтеплэнерго», которое более десяти лет проводило проверки теплоснабжения помещения ИП, но не предъявляло требований по оплате, в результате чего ИП предполагал, что предприятие признает ранее сделанное им переустройство в виде альтернативного источника отопления. Суд указал, что невыставление счетов на оплату не лишает КГУП права на обращение в суд (Пост. АС ДВФО). Таким образом, эстоппель не распространяется на противоречивое поведение относительно реализации предусмотренного законом права, которая возможна в любой момент в зависимости от воли лица.

Для применения эстоппеля необходимо соблюдение трех условий. Во-первых, доверие контрагента должно быть вызвано действиями стороны, к которой применяется эстоппель. Это доверие должно быть основано на конкретных заявлениях, обещаниях или поведении, способных сформировать такие ожидания. Однако возникает вопрос: что делать в случае, если доверие является следствием случайности или заблуждения? Если лицо не знало о своем праве или не должно было о нем знать, а затем решило им воспользоваться, эстоппель не применяется.

Второе условие – наличие обоснованного доверия у добросовестной стороны. Контрагенту необходимо иметь разумные основания полагаться на поведение другой стороны, и его ожидания должны быть объективно оправданными. Это означает, что в аналогичной ситуации другие лица также могли бы сформировать схожие ожидания. Однако доверие не должно основываться на абсолютных фактах. Например, даже если сторона допустила правовую ошибку, это не исключает применение эстоппеля, особенно если контрагент находился в более выгодной позиции для получения правовой информации.

Третье условие – наличие явной несправедливости. Само по себе противоречивое поведение не запрещено, но, если оно приводит к подрыву доверия и несправедливым последствиям, суд может отказать в защите права. Целью такого отказа является не наказание, а предотвращение несправедливости.

При оценке наличия несправедливости суд учитывает множество факторов. Одним из ключевых является степень обоснованности доверия. Чем более оправданным было доверие контрагента, тем выше вероятность признания несправедливости в случае его нарушения. Суд также анализирует соотношение между уровнем доверия и степенью несправедливости, являющейся следствием противоречивого поведения.

1.2. Соотношение эстоппеля и принципа добросовестности. В научной литературе споры вызывают вопросы соотношения принципа добросовестности гражданских отношений и механизма эстоппеля.

Согласно первому подходу, добросовестность и эстоппель – два независимых принципа гражданских правоотношений, поскольку эстоппель направлен именно на защиту от противоправности предшествующего поведения, а добросовестность поведения призвана не допустить ситуации, когда участник извлекает выгоду из неправомерного поведения [10, с. 40].

В соответствии со вторым подходом эстоппель – это проявление принципа добросовестности [11, с. 77]. А.А. Коростиев считает, что эстоппель является специальным способом защиты от недобросовестного поведения, который применяется при нарушении прав в виде непоследовательного поведения [12, с. 82–85]. К.А. Роор делает вывод, что если недобросовестное поведение включает противоречивое, то и эстоппель является только проявлением принципа добросовестности, а не отдельным правовым институтом [13, с. 78].

Третий подход основан на том, что эстоппель как часть института гражданского права, а именно злоупотребления правом, является способом защиты гражданских прав и не может поглощаться принципом добросовестности. К.В. Нам обращает внимание на то, что применение эстоппеля возможно только в случае недобросовестного поведения стороны правоотношения, а сам по себе факт противоречивого и непоследовательного поведения не должен запрещаться [14, с. 26]. М.Р. Леонов поддерживает данную позицию, указывая на то, что добросовестность – это лишь общий принцип, а эстоппель – это конкретизированный судебной практикой правовой механизм, применяемый в определенных ситуациях, как правило, субсидиарно с добросовестностью [15, с. 132].

Чтобы определить наиболее последовательную из рассмотренных выше позиций, необходимо рассмотреть саму категорию добросовестности.

Принцип эстоппеля довольно часто трактуется через его соотношение с понятием добросовестности, поскольку направлен на противодействие противоречивому поведению, которое и является недобросовестным. Мы полагаем, что добросовестность правильно будет связать с ролью самого права, определив ее как действия, которые не нарушают прав и свобод других лиц и соответствуют намерениям. Выделяется три случая применения принципа добросовестности в гражданском обороте: установление прав и обязанностей; приобретение прав и обязанностей; реализация прав и осуществление обязанностей; защита прав. К нормам о запрете недобросовестного поведения (злоупотреблении правом) прибегают при защите права [16, с. 148–149]. В таком случае встает вопрос, является ли эстоппель частным способом защиты права при недобросовестном поведении, предусмотренном ст. 10 ГК РФ?

Ответ на этот вопрос можно получить при рассмотрении в научной литературе вопроса о правомерности предъявления кондикционного иска при грубой ошибке потерпевшего. Условиями применения эстоппеля в подобном случае называют следующие: отношение получателя к обогащению как к обоснованному; сформированность такого отношения у получателя именно из-за действий потерпевшего; несправедливость подрыва доверия получателя. Предъявление иска получателем в подобном случае называют злоупотреблением правом [17], а при применении эстоппеля ссылаются на ст. 10 ГК РФ так же, как и в судебной практике.

По рассмотрении приведенного примера стоит согласиться с третьим подходом. Эстоппель является частным способом защиты от одной из форм недопустимого поведения, он направлен на защиту добросовестного участника правоотношений и используется в случаях, когда доверие, сформированное действиями одной из сторон, даже если оно противоречит ее формальной правовой позиции, может считаться обоснованным и справедливым. Основным условием применения эстоппеля является проверка обоснованности такого доверия, это предусматривает анализ того, осознавала ли пострадавшая сторона, что ее ожидания расходятся с фактическими обстоятельствами или правовыми нормами (например, знала ли она о незаконности сделки).

2. Эстоппель и институт недействительности сделок

2.1. Эстоппель как противоречивое поведение в результате заблуждения контрагента. Заблуждение у доверившегося лица может касаться интерпретации как права, так и факта. Ошибка, связанная с правом, представляет собой неверное понимание правового регулирования конкретного вопроса. Принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» не всегда подтверждается на практике. Важно рассмотреть, могут ли негатив-

ные последствия такого незнания возникать не по вине самого лица, а из-за поведения другой стороны, применяющей эстоппель. Это возможно, особенно если сторона-инициатор является профессионалом в соответствующей области и имела доступ к более полной правовой информации по сравнению с доверившимся контрагентом.

Аргументация применения эстоппеля может основываться не только на профессионализме контрагента, но и на том, что он не только умолчал о правовых нормах, но и сам спровоцировал правовую ошибку. Это особенно очевидно в случаях, когда такая сторона вводит в заблуждение другую сторону, убеждая ее в законности договора.

Тем не менее правовая ошибка не может квалифицироваться как эстоппель, если она вызвана объективными обстоятельствами, такими как противоречивая судебная практика или уникальность правовой ситуации. Доверие, основанное на фактической ошибке, считается более оправданным по сравнению с ошибкой в праве. В таком случае ключевым критерием выступает возможность обнаружения такой ошибки среднестатистическим разумным участником гражданских правоотношений. Например, если физическое лицо вводит предпринимателя в заблуждение относительно своей деятельности, чтобы заключить договор, предназначенный исключительно для предпринимателей, это не станет достаточным основанием для применения эстоппеля [18, с. 748].

Более того, не может быть квалифицировано как эстоппель простое заблуждение в применении правовых норм при формулировании судебной позиции, поскольку недостаточная юридическая грамотность не может привести к несправедливым последствиям, будучи исправленной надлежащим толкованием со стороны компетентного суда. Так, например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа при рассмотрении правовой позиции кассатора указал, что позиция заявителя основана на неправильном толковании правовых норм, что верно расценено нижестоящими судами как основание для эстоппеля (Пост. АС ЗСФО), несмотря на то что в данном примере неправильное применение эстоппеля не повлияло на решение дела. Однако с учетом принципа *jura novit curia* («суд знает право»), действующего в российском процессе, запрет для той или иной стороны ссылаться на свое неправильное толкование закона приведет и к самоограничению процессуальной активности суда по исследованию правовых вопросов, и к отсутствию необходимости аргументировать решения по правовым позициям сторон.

Целью применения эстоппеля является предотвращение ситуаций, где одна сторона получает преимущества вследствие своего непоследовательного поведения в ущерб интересам другой стороны, которая добросовестно полагалась на ситуацию, созданную действиями первой [19, с. 289]. В подобном случае при возникновении вопроса об ошибке в понимании действий контрагента добросовестной стороной необходимо выяснить, на основе чего сформировалось такого рода недопонимание фактических обстоятельств, и определить, повлиял ли контрагент недобросовестными действиями на ошибочную интерпретацию добросовестной стороной своих намерений, ситуации в правоотношениях или неправильное толкование правовых норм.

Рассмотрим вариант, при котором добросовестное лицо самостоятельно заблуждалось относительно поведения добросовестного контрагента. Выше уже был приведен документ, который хорошо иллюстрирует подобную ситуацию (Пост. АС ДВФО). ИП Юрченко Е.В. самостоятельно заблуждался относительно эстоппеля со стороны КГУП «Примтеплэнерго», ошибочно считая, что если оно проводило проверки теплоснабжения помещения ИП, но не предъявляло требований по оплате, то оно признало ранее сделанное им переустройство в виде альтернативного источника отопления. Суд правильно

указал, что невыставление счетов не лишает предприятие права на обращение в суд и не является основанием для применения принципа эстоппеля. В данном случае очевидно, что ИП Юрченко Е.В. ошибся относительно поведения контрагента самостоятельно без недобросовестного умысла со стороны последнего. Подобная ситуация не может подпадать под применение принципа эстоппеля.

Рассмотрим другой вариант. Добросовестное лицо самостоятельно заблуждалось относительно правовых норм, подлежащих применению в спорных правоотношениях. Так, в споре, связанном с контрактными закупками для государственных нужд, суд указал, что ООО, выступающее исполнителем по договору по государственному контракту, действовало недобросовестно и неразумно, поскольку не проверило предоставляемую для заключения государственного контракта банковскую гарантию на соответствие требованиям Закона о контрактной системе. Суд правильно указал, что, вступая в контрактные правоотношения, ООО обязано было понимать императивные требования законодательства о контрактной основе (Пост. АС МФО 06.08.2024). Как видно в указанной ситуации, недобросовестное поведение присутствует, однако эстоппель не применяется, поскольку имеет место ошибка в толковании требований закона к содержанию правоотношений, что не является противоречивым поведением.

И третий вариант применения эстоппеля демонстрирует пример, где заблуждение вызвано непоследовательным поведением контрагента. Так, в случае если в процессе выполнения договорных обязательств обе стороны не высказывают возражений по текущим правоотношениям, но затем одна сторона подает в суд обоснованное требование, то вторая сторона в качестве встречных требований начинает оспаривать договор и его квалификацию. Такое поведение судами обоснованно признается эстоппелем, поскольку является не просто противоречивым само по себе, но еще и недобросовестным, подрывая стабильность гражданского оборота. Никто не может противоречить своим предыдущим выводам (Пост. АС МФО 21.01.2025).

Таким образом, анализ судебной практики позволяет выделить три ключевых модели поведения, связанных с заблуждением, и определить возможности применения эстоппеля в каждой из них. Однако для формирования целостного представления необходимо сформулировать универсальные критерии отграничения простой ошибки в праве, не влекущей за собой правовых последствий, от ситуации, где необходимо применить эстоппель.

Таковыми критериями являются следующие. Во-первых, это наличие активных действий или бездействия, формирующих заблуждение. Речь идет не о пассивном умолчании о нормах права (чего, как правило, недостаточно), а о создании контрагентом информационного поля, в котором заблуждение становится неизбежным или высоковероятным. Это может выражаться в предоставлении заведомо неполных или искаженных разъяснений, использовании сложных юридических конструкций, намеренно двусмысленных формулировок либо в создании такой модели фактических отношений, которая объективно подразумевает иную правовую основу, нежели та, на которую впоследствии ссылается инициатор спора.

Во-вторых, это критерий предсказуемости и неизбежности заблуждения. Добросовестная сторона должна доказать, что при всей ее осмотрительности и разумности заблуждение было для нее неизбежным в сложившихся обстоятельствах, созданных контрагентом. Если же ошибка в праве могла быть легко обнаружена при проявлении стандартной степени осмотрительности, которую правопорядок требует от участника гражданского оборота, основания для защиты отпадают. Профессионализм контрагента, на который справедливо указывается в рассмотренной судебной практике, является ключевым фактором для оценки

именно этого критерия: с профессионала спрос выше и его действия, вводящие в заблуждение непрофессионала, с большей вероятностью будут расценены как создавшие неизбежное заблуждение. Эстоппель в контексте ошибки в праве следует признавать не тогда, когда лицо просто ошиблось, а когда его ошибка была инспирирована, «усилена» или использована контрагентом для получения необоснованной выгоды.

В-третьих, это критерий причинно-следственной связи и ущерба. Недостаточно лишь констатировать факт заблуждения – требуется установить, что именно поведение контрагента стало его причиной, а не действия или особенности (неверное толкование, недостаточная юридическая грамотность) самой доверившейся стороны. Кроме того, это заблуждение должно привести к конкретным негативным имущественным последствиям – принятию невыгодного решения, заключению кабальной сделки, утрате права на иск и т. д.

Перечисленные критерии не охватывают всех аспектов квалификации эстоппеля. Суд обязан учитывать все обстоятельства, которые могут повлиять на оценку непоследовательного поведения сторон. Важность судебного анализа при установлении эстоппеля обусловлена его зависимостью от принципов добросовестности и справедливости, которые применяются с учетом конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, перечисленные критерии представляют собой взаимодополняющие элементы эстоппеля, где слабости одних элементов могут быть уравновешены преимуществами других. Однако на практике суды часто не следуют этой логике и действуют исходя из правовой интуиции и общих принципов гражданского права. Целью научного подхода к изучению эстоппеля является систематизация подобных правовых явлений и обеспечение правовой определенности через выделение основных признаков (элементов состава), наличие которых должно проверяться при применении эстоппеля.

Российские суды также обязательными условиями для квалификации эстоппеля признают наличие оправданного доверия у добросовестного лица, зависимость такого доверия от действий контрагента, явную несправедливость действий контрагента, злоупотребляющего таким доверием (см., например, Пост. АС УО).

Российские суды часто акцентируют внимание на том, что одна сторона не только доверяла своему контрагенту, но и понесла убытки, основываясь на этом доверии. Если последующее нарушение обязательств приводит к негативным последствиям, это может восприниматься как несправедливость. Однако в действительности суды зачастую признают достаточным для применения эстоппеля сам факт «подрыва доверия», то есть существенного нарушения сложившихся на основе поведения стороны правовых ожиданий, даже без детального доказывания размера имущественного вреда (см., например, Опр. СКЭС). В отличие от этого суды в Германии устанавливают презумпцию наличия ущерба, если между возникновением доверия и его нарушением прошло значительное время (например, см. BGH). Вероятнее всего, за этот период лицо уже адаптировало свои действия в соответствии с возникшим доверием. Когда контрагент обманул добросовестную сторону, то поведение контрагента настолько порочно, что факт наличия или отсутствия ущерба можно не устанавливать.

2.2. Признание сделки недействительной в силу закона как результат применения эстоппеля. Эстоппель, будучи производным от принципов добросовестности и справедливости, логически предполагает, что лицо, действовавшее недобросовестно, не может ссылаться на недействительность сделки, если своим поведением оно породило у другой стороны обоснованное доверие к ее действительности [20, с. 87]. Это правило закреплено в п. 5 ст. 166 ГК РФ, и некоторые ученые предлагают рассматривать его шире, как охватывающее не только ситуации, где поведение недобросовестного лица давало основание

полагаться на действительность сделки, но и ситуации, в которых сторона сделки в целом действовала недобросовестно [21, с. 56]. Схожая правовая конструкция закреплена в п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, являясь отражением эстоппеля в российском договорном праве: законодатель при определенных условиях лишает сторону договора права на оспаривание определенных сделок [22, с. 40]. Однако справедливо отмечается, что эти нормы сами по себе избыточны, поскольку повторяют положения ст. 10 ГК РФ [23, с. 63].

В связи с вышеизложенным стоит перейти к рассмотрению условий применения эстоппеля как одного из оснований для признания сделки недействительной. Ключевыми факторами являются наличие нарушенного доверия и явная несправедливость. В большинстве случаев несправедливость проявляется в том, что доверившаяся сторона понесла определенные расходы ради собственной выгоды и вследствие однозначного волеизъявления или поведения контрагента. Резкое и противоречащее первоначальному изменение поведения контрагента приведет к превращению понесенных доверившейся стороной расходов в убытки. Однако несправедливость может вытекать и из иных обстоятельств. В некоторых случаях нарушение доверия, обусловленного только поведением контрагента, будет недобросовестным. Это применимо в случаях обмана недобросовестного контрагента или при наличии злого умысла.

Положения закона, которые позволяют признавать сделки недействительными в связи с их противоречием другим сделкам, являются реализацией принципа материально-правового эстоппеля [24, с. 53]. Эстоппель играет определяющую роль в любом составе недействительности, в котором основным пороком является юридически значимое противоречие в поведении одной из сторон. Например, если собственник, зная о существовании ранее заключенного договора аренды, заключает последующую сделку купли-продажи этого же имущества, а затем оспаривает аренду, чтобы освободить имущество для покупателя, его поведение может быть оценено как противоречивое и недобросовестное. Эстоппель препятствует такому поведению, защищая разумно полагавшегося на первоначальную сделку контрагента (арендатора).

Эстоппель представляет собой важный институт гражданского права, который в первую очередь связан с защитой доверия сторон в сделках. Он основан на принципе добросовестности и требует от сторон последовательности в своих действиях. Основные признаки сделки – это формирование воли и доверия, что позволяет сторонам согласовывать свое поведение и получать защищаемые судом результаты.

Применение эстоппеля требует тщательного анализа обстоятельств, которые могут свидетельствовать о несправедливости непоследовательного поведения одной из сторон. Важно отметить, что эстоппель не вытекает из автономии воли, а основывается на добросовестности, что делает его применение более сложным и требовательным к доказательствам.

Если существует сделка, то непоследовательное поведение, противоречащее ее условиям, может привести к применению эстоппеля для защиты доверия сторон. Однако, если такое поведение может быть квалифицировано как сделка, необходимость в эстоппеле отпадает. Гражданский кодекс РФ (ст. 158) позволяет оформлять сделки не только письменно или устно, но и посредством конклюдентных действий, которые подразумевают намерение заключить сделку.

Судебная практика показывает, что суды могут ссылаться на наличие сделки при принятии решения. Если же сделку квалифицировать невозможно, то допустимо применить эстоппель, при этом требуется детальный анализ всех факторов, таких как оправданность доверия и адаптация сторон. Эстоппель также может быть использован в случаях, когда

поведение нельзя признать сделкой в силу определенных причин (например, порок формы), но справедливость требует защиты доверия и разумных ожиданий сторон: предположим, когда действия лица говорят о воле совершить сделку, но квалифицировать их как конклюдентные действия невозможно. Подобное не исключено при ситуациях, когда имеется обязательная форма сделки, которая, однако, не была соблюдена.

Стоит отметить, что судам зачастую удобнее применять эстоппель, чем норму о конклюдентных сделках, во-первых, в связи с тем, что в судебной практике сделка может необоснованно ассоциироваться с письменным оформлением, во-вторых, конкурирующей нормой может быть отказ от права, который суды также не любят применять.

Развитие практики расширенного применения эстоппеля вместо конклюдентных сделок, по всей вероятности, приведет к прекращению проверки факторов сделки на справедливость и ее критерии. Без несправедливости эстоппель не может подлежать применению. Он будет вторгаться в иные сферы правоотношений, например, в нормы о конклюдентных сделках, дестабилизируя правооборот. В связи с этим необходимым представляется закрепление понятия «эстоппель», широко применяемое арбитражными судами, в нормах о злоупотреблении права, особо выделив признак несправедливости как необходимый элемент для квалификации эстоппеля.

Заключение

Правильная квалификация эстоппеля в судебной практике является основополагающим фактором для эффективной защиты прав участников гражданских отношений и соблюдения принципа добросовестности. Определение эстоппеля возможно при соблюдении трех критериев: активные действия или бездействие, формирующие заблуждение добросовестной стороны; неизбежность и непредсказуемость заблуждения; причинно-следственная связь с возможными или наступившими негативными последствиями для добросовестной стороны.

Приведенные условия квалификации, однако, являются оценочными, и суд каждый раз принимает решение, исходя из конкретных доказательств и обстоятельств дела. Оценка зависит от степени разумности и обоснованности доверия со стороны добросовестной стороны к действиям контрагента.

В отношении принципа добросовестности эстоппель выступает отдельным способом его защиты от противоречивого поведения. Санкцией является отказ в защите права, который эффективно применяется, например, по отношению к правовым последствиям недействительности сделок.

Противоречивое поведение само по себе уже вредит гражданскому обороту, поскольку отвлекает ресурсы участников на лишние объяснения и правовые споры. Эстоппель же стимулирует ускорение гражданско-правового общения за счет сохранения определенности отношений между участниками [25, с. 301].

Что касается отношений, связанных с возникновением сделки, можно выделить два варианта применения эстоппеля. Во-первых, это возможность заявить о противоречивом поведении недобросовестной стороны, которая сообщает о недействительности сделки, лишив ее заявления правового значения. Во-вторых, эстоппель может применяться при оспаривании самой сделки, если в ее пороке есть противоречивое поведение контрагента либо порок возник из-за умышленного заблуждения. Таким образом, эстоппель динамично взаимодействует с институтом недействительности сделок и как способ защиты от его недобросовестного применения, и как вспомогательный инструмент.

Эстоппель применяется при признании сделки недействительной, поскольку подобное правоотношение фактически не может быть квалифицировано в качестве сделки, имея порок одного из элементов и отсутствие правовых последствий. В случае же если правоотношение в результате может быть квалифицировано как действительная сделка, то применение эстоппеля исключается, поскольку стороны посредством определенного поведения смогли прийти к правомерному компромиссу.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- Конц. – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестн. ВАС РФ. 2009. № 11.
- ПП ВС РФ – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Рос. газ. 2017. 29 дек. (№ 297).
- Опр. ШКСОЮ – Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11 сент. 2024 г. № 88-21582/2024 (УИД 18RS0003-01-2023-005686-04) // СПС КонсультантПлюс.
- Опр. СКЭС – Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 окт. 2024 г. № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. ТААС – Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2021 г. № 13АП-15744/2021 по делу № А26-7710/2020 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. АС СЗФО – Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 сент. 2021 г. № Ф07-11562/2021 по делу № А05-11775/2020 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. АС ДВФО – Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 февр. 2025 г. № Ф03-30/2025 по делу № А51-21450/2022 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. АС ЗСФО – Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 февр. 2020 г. № Ф04-7635/2020 по делу № А03-21943/2018 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. АС МФО 06.08.2024 – Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 авг. 2024 г. № Ф05-14646/2024 по делу № А40-182506/2023 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. АС МФО 21.01.2025 – Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 янв. 2025 г. № Ф05-27037/2024 по делу № А40-216560/2023 // СПС КонсультантПлюс.
- Пост. АС УО – Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 дек. 2021 г. № Ф09-8546/21 по делу № А60-3847/2021 // СПС КонсультантПлюс.
- BGH – BGH, Urteil vom 30. Juli 2024 – VI ZR 122/23 // Der Bundesgerichtshof. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=139236&pos=0&anz=1>, свободный.

Литература

1. Зайцева Н.В. Поведенческие стандарты в системе частноправовых отношений // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 97–120. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-59-97-120>.
2. Парфенова О.А. Применение эстоппеля в праве англосаксонской правовой семьи. Часть 1 // Аграрное и земельное право. 2022. № 2 (206). С. 143–147. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_2_143.

3. *Комлев М.С., Парыгина Н.Н.* О рецепции promissory estoppel в нормах российского гражданского права о заключении договора // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право. 2024. Т. 21, № 4. С. 51–60. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2024.21\(4\).51-60](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2024.21(4).51-60).
4. *Багаутдинов И.И.* Правило эстоппель как вид исцеления сделки с пороком ее формы // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4 (148). С. 82–85.
5. *Седова Ж.И.* Возможности применения правил принципа эстоппель в делах по корпоративным спорам // Рос. правосудие. 2018. № 2 (142). С. 71–79. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2018.2.71-79>.
6. *Терехов В.В.* Применение правила эстоппель в процессуальных отношениях // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 3. С. 135–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).135-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).135-140).
7. *Мельник С.В., Мальбин Д.А.* Эстоппель в Гражданском кодексе Российской Федерации // Юрист-Правовед. 2017. № 4 (83). С. 147–151.
8. *Лужина А.Н.* Эстоппель в гражданских правоотношениях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2021. № 2. С. 166–175. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.02.15>.
9. *Грибов Н.Д.* Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15, № 3 (112). С. 128–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135>.
10. *Якимова Е.С.* Соотношение принципа добросовестности и эстоппеля в российском гражданском праве на современном этапе // Право и управление. 2021. № 5. С. 37–41. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2021-5-37-41>.
11. *Воднев А.Н.* К вопросу о доктрине эстоппель в российском праве // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Право. 2017. № 2. С. 70–80.
12. *Коростиев А.А.* Эстоппель как способ защиты от недобросовестного непоследовательного поведения стороны // Аграрное и земельное право. 2021. № 5 (197). С. 82–85. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2021_5_82.
13. *Роор К.А.* Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 7 (92). С. 71–81. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.92.7.071-081>.
14. *Нам К.В.* Злоупотребление правом и принцип добросовестности, или не всякое противоречивое поведение есть эстоппель // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2019. № 3 (14). С. 23–26.
15. *Леонов М.Р.* Соотношение принципа добросовестности и принципа эстоппель // Закон и право. 2023. № 9. С. 130–134. https://doi.org/10.56539/20733313_2023_9_130.
16. *Голубцов В.Г.* Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Рос. юрид. журн. 2020. № 2 (131). С. 142–150.
17. *Хандкаров Ю.С.* Запрет истребования заведомо недолжно исполненного: толкование и применение подп. 4 ст. 1109 ГК РФ // Вестн. гражданского права. 2023. Т. 23, № 1. С. 172–214. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-1-172-214>.
18. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, М-Логос, 2020. 1102, [1] с.
19. *Зайцева Н.В.* Субъективный фактор в частном праве: монография. М.: Статут, 2023. 384 с.
20. *Агарышева К.К., Желонкин С.С.* Действие принципа эстоппеля при оспаривании сделок // Вестн. СПбУ МВД России. 2019. № 1 (81). С. 82–88.
21. *Якушева Е.Е.* Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 8 (201). С. 52–66. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066>.
22. *Крохин Р.И.* Эстоппель в отечественном гражданском праве // Вопр. рос. и междунар. права. 2021. Т. 11, № 6А. С. 36–43. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.83.56.006>.

23. Тузов Д.О. Идея недопустимости «venire contra factum proprium» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? // Закон. 2020. № 4. С. 47–64.
24. Яковенко А.А. О правовой природе корпоративного договора в контексте его соотношения с уставом хозяйственного общества и решением общего собрания участников (акционеров) // Вестн. арбитражной практики. 2022. № 5 (102). С. 47–56.
25. *Translator alter*. Venire contra factum proprium: от связанности прошлым к связанности будущим // Правоведение. 2020. Т. 64, № 2. С. 270–308. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.204>.

References

1. Zaitseva N.V. Conduct standards in the system of private law relations. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, 2023, no. 1 (59), pp. 97–120. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-59-97-120>. (In Russian)
2. Parfenova O.A. The application of estoppel in law of the Anglo-Saxon legal family. Part 1. *Agrarian and Land Law*, 2022, no. 2 (206), pp. 143–147. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_2_143. (In Russian)
3. Komlev M.S., Parygina N.N. On the reception of promissory estoppel in the norms of Russian civil law regulating contract conclusion. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2024, vol. 21, no. 4, pp. 51–60. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2024.21\(4\).51-60](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2024.21(4).51-60). (In Russian)
4. Bagautdinov I.I. The rule of estoppel as a type of cure for a transaction defective in its form. *Law and State: The Theory and Practice*, 2017, no. 4 (148), pp. 82–85. (In Russian)
5. Sedova Zh.I. The possibilities of applying the rules of the principle of estoppel in corporate disputes. *Russian Justice System*, 2018, no. 2 (142), pp. 71–79. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2018.2.71-79>. (In Russian)
6. Terekhov V.V. Application of the estoppel rule in procedural relations. *Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 135–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).135-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).135-140). (In Russian)
7. Mel'nik S.V., Mal'bin D.A. Estoppel in the Civil Code of the Russian Federation. *Jurist-Pravoved*, 2017, no. 4 (83), pp. 147–151. (In Russian)
8. Luzhina A.N. Estoppel in civil matters. *Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2021, no. 2, pp. 166–175. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.02.15>. (In Russian)
9. Gribov N.D. The doctrine of the conflicting behavior prohibition. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 3 (112), pp. 128–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135>. (In Russian)
10. Yakimova E.S. Correlation of the good faith principle and estoppel in Russian civil law at the present stage. *Law and Management*, 2021, no. 5, pp. 37–41. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2021-5-37-41>. (In Russian)
11. Vodnev A.N. On the doctrine of estoppel in Russian law. *Herald of Tver State University. Series: Law*, 2017, no. 2, pp. 70–80. (In Russian)
12. Korostiev A.A. Estoppel as a means of protection against a party's bad faith and inconsistent behavior. *Agrarian and Land Law*, 2021, no. 5 (197), pp. 82–85. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2021_5_82. (In Russian)
13. Roor K.A. The concept and essence of estoppel. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 7 (92), pp. 71–81. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.92.7.071-081>. (In Russian)
14. Nam K.V. Abuse of rights and the principle of good faith, or not every inconsistent behavior is estoppel. *Ekonomicheskoe Pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii*, 2019, no. 3 (14), pp. 23–26. (In Russian)
15. Leonov M.R. The relationship between the principles of good faith and estoppel. *Law and Legislation*, 2023, no. 9, pp. 130–134. https://doi.org/10.56539/20733313_2023_9_130. (In Russian)

16. Golubtsov V.G. The principle of good faith and the meaning of civil legislation: The logic of legislative changes and the tasks of law enforcement. *Russian Juridical Journal*, 2020, no. 2 (131), pp. 142–150. (In Russian)
17. Khandkarov Yu.S. The prohibition of claiming knowingly improperly performed obligations: Interpretation and application of subparagraph 4, article 1109 of the Civil Code of the Russian Federation. *Civil Law Review*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 172–214. (In Russian)
18. Asoskov A.V., Baibak V.V., Bevzenko R.S., et al. *Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateinyi kommentarii k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Basic Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. Karapetov A.G. (Ed.). Moscow, M-Logos, 2020. 1102, [1] p. (In Russian)
19. Zaitseva N.V. *Sub'ektivnyi faktor v chastnom prave: monografiya* [Subjective Factor in Private Law: A Monograph]. Moscow, Statut, 2023. 384 p. (In Russian)
20. Agarysheva K.K., Zhelonkin S.S. Application of the principle of estoppel when challenging Transactions. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (81), pp. 82–88. (In Russian)
21. Yakusheva E.E. The estoppel principle in civil law as a mechanism to prevent contradictory behavior. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 8 (201), pp. 52–66. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066>. (In Russian)
22. Krokhin R.I. Estoppel in Russian civil law. *Voprosy Rossiiskogo i Mezhdunarodnogo Prava*, 2021, vol. 11, no. 6A, pp. 36–43. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.83.56.006>. (In Russian)
23. Tuzov D.O. The idea of the impermissibility of “venire contra factum proprium” in connection with the norm on the irrelevance of the statement on invalidity: Legal maxim or principle? *Zakon*, 2020, no. 4, pp. 47–64. (In Russian)
24. Yakovenko A.A. On the legal nature of the corporate agreement in the context of its correlation with the charter of a business company and the resolution of the general meeting of participants (shareholders). *Vestnik Arbitrazhnoi Praktiki*, 2022, no. 5 (102), pp. 47–56. (In Russian)
25. Translator alter. Venire contra factum proprium: From a tie to the past to a bridge toward the future. *Pravovedenie*, 2020, vol. 64, no. 2, pp. 270–308. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.204>. (In Russian)

Информация об авторе

Дмитрий Михайлович Касаткин, старший преподаватель кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: kasatkin.1997@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4142-5327>

Author Information

Dmitry M. Kasatkin, Senior Lecturer, Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

E-mail: kasatkin.1997@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4142-5327>

Поступила в редакцию 25.11.2025

Принята после рецензирования 1.12.2025

Принята к публикации 10.12.2025

Received November 25, 2025

Revised December 1, 2025

Accepted December 10, 2025